

Мякин Т. Г.

Lex de iudiciis repetundarum и политическая программа Гая Гракха

В настоящее время доказано, что судебный закон, сохранившийся на фрагментах бронзовой доски, известной как *tabula Bembina*, есть не что иное как знаменитый судебный закон Гая Гракха, или, точнее, «Закон Ацилия-Семпрония о судах по делам о вымогательстве» (*Lex Acilia-Sempronia de iudiciis repetundarum*)¹. Реконструкция Э. Н. Шервин-Уайтом его содержания и, в связи с этим, политических целей Гая Гракха, обобщив результаты многолетних исследований эпиграфического текста закона, отражает, пожалуй, общепринятую в современном антиковедении оценку политической программы младшего Гракха². В соответствии с ней, Гай Гракх предстает прагматичным и умеренным политиком, заинтересованным в «позитивном эффекте» своих преобразований и далеким от радикального реформаторства «в духе Эфиальта»³. По мнению Э. Н. Шервин-Уайта, это подтверждают следующие черты эпиграфического судебного закона Гракха:

1) Предоставляя латинам (*nomen Latinum*), италикам (*socii*) и всем «чужеземным народам» (*exterae nationes*) возможность через суд возместить материальный ущерб, нанесенный их имуществу хищническими действиями римских должностных лиц, закон не ограждал от произвола личность провинциала, остававшуюся беззащитной перед прямым насилием со стороны римских властей (*Lex de iud. rep.*, 1, 3)⁴;

2) При всей жесткой регламентации судебной процедуры, при всем ее гласном характере, единственным гарантом того, что претор будет руководить судебным разбирательством в соответствии с буквой и духом закона Гракха, по прежнему оставался традиционный, и даже архаический институт клятвы перед народной «сходкой» (*contio*, см. *Lex de iud. rep.*, 15, 18)⁵;

3) Взыскивая с осужденного в пользу истца стоимость ранее отнятого имущества в двойном объеме, закон не требовал никакого специального наказания за сам факт нарушения высшими должностными лицами своих предписаний, традиционным образом оставляя этот вопрос на усмотрение суда народного собрания (*Lex de iud. rep.*, 28)⁶.

Следует согласиться с Э. Н. Шервин-Уайтом в том, что соответствующие положения, действительно, имеются в сохранившемся тексте судебного закона Гракха. Вместе с тем, саму интерпретацию Э. Н. Шервин-Уайтом, Э. Линтоттом и Кр. Маккеем этих положений (и вытекающую из нее общую оценку политической программы Гая Гракха) следует признать ошибочной.

Корень ошибки – в неверном прочтении строк 76 и 87 дошедшего до нас эпиграфического текста закона. В самом деле, Э. Н. Шервин-Уайт и Э. Линтотт исходят из того, что единственная, сохранившаяся от строки 87 фраза – «если какой-либо римский гражданин (=кто-либо, будучи римским гражданином) привлечет другого к ответственности по этому закону» (*[sei quis ce]vis Romanus ex h[ab]e lege alte[re]i nomen detolerit*) – относится к истцу-иностранцу, уже выигравшему судебный процесс по делу о вымогательстве и получившему, в соответствии с *Lex de iud. rep.*, 76–78, права римского гражданства⁷. Однако если бы это действительно было так, в тексте прямо указывалось бы, что имеется в виду именно то лицо, которое получило римское гражданство «на основании этого закона» (*ex h[ab]e lege*). Способ выражения, присущий в подобных случаях закону Гракха, предельно однозначен и избегает двусмысленности. Так, например, если речь идет о судьях, выносящих судебное решение по данному делу, то всякий раз оговаривается, что это именно те судьи, которые «на основании этого закона составят

суд» (quei quomque iudicium ex h. l. erunt, Lex de jud. rep., 3, 4, 6), если о преторе, – то подчеркивается, что это тот претор, который «будет проводить расследование на основании этого закона» (quei ex h. l. quaeret, Lex de jud. rep., 26, 31, 36 etc.) или – тот, кто станет «в этом году судьей на основании этого закона» (in eum annum quei ex h. l. [factus] erit, Lex de jud. rep., 19), и т. п. И действительно, мы видим, что в строках 77–79 сохранившегося текста закона истец-иностранец, получающий в связи с выигрышем судебного процесса права римского гражданства, определяется как тот, кто «станет на основании этого закона римским гражданином» (seivis Romanus ex hase lege fiet) или, наоборот, как тот, кто «не пожелает стать по этому закону римским гражданином» (seivis Romanus ex h. l. fieri nolet). Следовательно, применительно к строке 87 мы вправе были бы ожидать оборота, начинающегося словами: «тот, кто на основании этого закона станет римским гражданином...» (quei seivis Romanus ex hase lege fiet... Cp. Lex de jud. rep., 9). Однако в строке 87 сохранившегося текста закона мы встречаем нечто совсем иное: здесь фигурирует именно неопределенный «кто-нибудь» (quis), т. е. – любой (какой-либо) римский гражданин, который «привлечет другого к судебной ответственности по этому закону» ([sei quis cei]vis Romanus ex hase lege alte[rei nomen detolerit]). Ведь *всюду* в тексте гракханского закона местоимение quis выступает именно в неопределенном значении. Приведем наиболее яркие примеры: nei quis magistratus... facito – «пусть *никакое* должностное лицо (собств.: пусть *кто-либо*, будучи должностным лицом)... не предпринимает действий» (Lex de jud. rep., 70); neve facito quo quis eorum – «и пусть не предпринимает действий с тем, чтобы *кто-либо* из них» (Lex de jud. rep., 71); quis praetor litis aestumaverit – «*кто-либо*, будучи претором, оценит сумму, подлежащую взысканию» (Lex de jud. rep., 68); sei quis eorum, quei seivis Romanus non erit – «если *кто-либо* из них, кто не будет римским гражданином» (Lex de jud. rep., 76).

В пользу правильности предлагаемого нами прочтения строки 87 эпиграфического текста свидетельствует и строка 77, которая предоставляет римское гражданство выигравшему процесс истцу в том случае, «если он... не будет римским гражданином» (sei... quei seivis Romanus non erit, Lex de j. rep., 76). Из этого ясно, что закон предусматривал и такую ситуацию, когда истец является полноправным римским гражданином. Таким образом, как из строки 87, так и из строки 77 сохранившегося текста закона прямо следует, что судебный закон Гракха в равной степени рассматривал как те случаи, когда истец является римским гражданином, так и те, когда он им не является. Далее, ввиду того, что эпиграфический закон (по крайней мере, в той его части, которая дошла до нас) никаких специальных процессуально-правовых преимуществ для римских граждан не предусматривает, сам собой напрашивается следующий вывод: судебный закон Гракха *в равной степени* брал под свою защиту и граждан, и неграждан, вовлекая тем самым все свободное население Римской республики в единое правовое поле.

В пользу правильности такого вывода свидетельствует повсеместное использование Гракхом в своем законе правовых институтов и норм римского гражданского права, что справедливо отмечали Э. Н. Шервин-Уайт и Кристофер Маккей. Это, прежде всего, хорошо известный по Цицерону институт «поверенного» (cognitor), введенный Гракхом «для того, чтобы помочь истцам, занятым делами или живущим далеко от Рима» (Cp. Cic., Pro Caec., 14; Cic., In Verr., 2, 106)⁸. По закону Гракха поверенный мог участвовать в оценке суммы, подлежащей взысканию в пользу истца у осужденного на основании этого закона, «именем данного царя или данного народа или гражданина этого народа» (regis populeive seivisve suei nomine, Lex de j. rep., 60)⁹. Сама процедура «оценки суммы, подлежащей взысканию» (litis aestimatio), как доказал Кристофер Маккей, также является процедурой гражданского права, пришедшей на смену фиксированным штрафам Законов XII Таблиц (Gell., 20, 1, 13)¹⁰.

В дополнение к наблюдениям Шервин-Уайта и Маккея, укажем, что нормы римского гражданского права воспроизводит и налагавшийся на «осужденных» (condemnati) по закону Гракха денежный штраф. Действительно, закон Гракха гласит:

«Все же прочее, что согласно решению совещания (судей) будет признано отнятым или захваченным, или вытребованным, или приобретенным, или похищенным после принятия этого закона (*post hanc legem rogatam*), пусть стоимость всего этого судьи присудят взыскать в двойном (*dupli*) объеме» (*Lex de j. rep.*, 59).

Легко увидеть, что такое «взыскание в двойном объеме» в точности соответствует традиционному римскому праву, согласно которому, по словам Катона Старшего, «вор присуждается к (взысканию) вдвое» (*furem dupli condemnari*, *Cat., De agr., praef.*, 1).

В пользу правильности выдвинутой нами гипотезы в тексте закона свидетельствует также следующее. Только лишь на текущий «этот год» (*in hunc an[nu]m*) судопроизводство по закону Гракха передавалось под надзор претора, «который ведает судом по делам между иностранцами» (*inter peregrinos ious dicet*, *Lex de j. rep.*, 12). По истечении же названного срока, судопроизводство по закону Гракха мог курировать любой другой претор, который «на этот год станет (ведать судом) по этому закону» (*in eum annum quei ex h. l. [factus] erit*, *Lex de j. rep.*, 19). При этом строка 6 закона специально оговаривает, что «следствие по этому делу принадлежит претору, а суд и судебное решение (тем),... которые станут судом по этому закону» (*quaestio eius pr(aetoris) esto, iudicium iudicatio...*, *qui quomque iudicium ex h. l. erunt*, *Lex de j. rep.*, 6). Таким образом, закон Гракха в сфере судопроизводства по делам о вымогательствах фактически упразднял различие между «городским претором» (*praetor urbanus*) и «пeregринским претором» (*praetor peregrinus*), стремясь к сглаживанию противоречий между гражданами и негражданами¹¹.

Действительно, претор был обязан оказать *всем* истцам равное содействие в «сборе» (*conquaeri*) доказательств для обвинения по городам Италии, а также за ее пределами (*Lex de jud. rep.*, 31). Взыскание денежного штрафа с осужденного чиновника по закону Гракха должно было осуществляться силами государства в присутствии легатов истца (*legati adessint*, *Lex de jud. rep.*, 63). «Оценка имущества, подлежащего взысканию» (*litis aestimatio*), и само взыскание производились, таким образом, под руководством претора и судей полномочными представителями истца, которые фактически исполняли роль судебных приставов (*Lex de j. rep.*, 59, 64).

В соответствии со всем этим, необходимо признать вполне обоснованной конъектуру А. Ф. Рудорфа, согласно которому приведенный в законе Гракха перечень различных групп народонаселения, имеющих право выступить с иском и обвинить римского чиновника в вымогательстве, должен был помимо союзников и peregrinov включать в себя и римских граждан (см. *Lex de jud. rep.*, 1)¹². Таким образом, Гай Гракх оказывается уже вовсе не тем умеренным и либеральным политиком, каким его рисуют себе Э. Н. Шервин-Уайт, Кр. Маккей и некоторые другие¹³, но, напротив, радикальным реформатором, стремящимся к коренному переустройству общества. Его *Lex de iudiciis peretundarum*, как писал еще К. В. Нич, должен был, по-видимому, подготовить почву для готовящегося Гракхом законопроекта о союзниках, распространявшего права римского гражданства на всех свободных жителей Италии¹⁴.

О том, что эта радикальная реформа с самого начала была важнейшей – и, по-видимому, главнейшей – частью политической программы Гая Гракха и гракханской партии вообще свидетельствуют авторитетные литературные источники. Так, в диалоге Цицерона «О государстве», действие которого происходит в 129 г. до н. э., Гай Лелий сетует на то, что после гибели Тиберия Гракха его сторонники в сенате оказывают противодействие Сципиону Эмилиану и сципионовской группировке, «подняв союзников и латинов» (*concitatis sociis et nomine Latino*, *Cic., De re p.*, 1, 31). Действительно, согласно Веллею Патеркулу, еще Тиберий Гракх «обещал гражданство всей Италии» (*pollicitusque toti Italiae civitatem*, *Vell.*, 2, 2), но именно Гай Гракх «пытался дать (*imperfectum de conatu*) гражданство всем италикам» (*dabat civitatem omnibus Italicis*, *Vell.*, 2, 6). Об изначальном наличии у Гая Гракха стройного и последовательного плана реформ, направленных на сближение римлян и италиков, косвенным образом свидетельствует

также то, что именно Гракха сторонники нобилитета обвиняли «перед народом» (ἐπὶ τὸν) в содействии восставшим фригелланцам, главным требованием которых, как известно, было предоставление им прав римского гражданства (Pl., Gracchi, 24)¹⁵.

Политической цели сплочения римлян и италиков в рамках нового римско-италийского государства служило и аграрное законодательство Гая Гракха. Так, в *равной степени* и римлянину, и италику, гракханский триумвир «вместо земельного надела», отторгнутого в пользу выведенных Гракхом колоний, «предоставлял, возвращал или закреплял во владение» соответствующих размеров «земельный участок» (Шvir... agrum locum pro eo agro loco, quo coloniam deduxit, dedit [reddidi]t adsignavitve, Lex Thoria, 24)¹⁶. В колонии Юнония, ко всему прочему, земельные участки нарезались не только для римских граждан и латинов, но, как кажется, и для италиков¹⁷. Наконец, как между гражданами, так и между негражданами распределялись, в соответствии с законом Гая Гракха о проведении дорог, особые земельные участки для «италийских сельских жителей-арендаторов дорог» (viasiei]s vicaneis, quei in terra Italia sunt, Lex Thoria, 11).

При всем при этом, в судебном законе Гая Гракха мы видим искреннее стремление законодателя по возможности укрепить в создаваемом им римско-италийском государстве демократические, полисные традиции, по новому их переосмыслив. Так, в той исключительной роли, которую играет в судебном законе традиционный и даже архаический институт клятвы перед народной «сходкой» (contio), следует видеть не столько приверженность Гракха традиционным правовым нормам, сколько ясное понимание им всей этнокультурной пестроты обновляемого римско-италийского общества¹⁸. Особое внимание к институту клятвы, в связи с этим, надо думать, было связано со стремлением Гракха поставить традиционную норму на службу грядущему общеиталийскому государству. Скорее всего, именно с этой целью коллегами Гракха был проведен закон, допускающий peregrinos к обрядам культа Юпитера Капитолийского (lex Acilia-Rubria de cultu Jovis Capitolini)¹⁹.

С той же целью функции высшей судебной инстанции Гракх сохранил в своем законе за народным собранием – трибутными и центуриатными комициями. В соответствии с законом Гракха, осужденный имел полную возможность апеллировать к суду народа, и центуриатные комиции могли либо отвергнуть приговор судей, либо, напротив, подвергнуть осужденного «бесчестию» (infamia) (Lex de jud. rep., 28, 76; Cic., Pro Rab. Perd., 12, 6)²⁰. Последнее влекло за собой для сенатора – исключение из сената, для всадника – утрату «общественного коня» (equum publicum) или «перемену трибы» (tribus mutatio)²¹. В пользу того, что последнее слово в делах о вымогательствах по закону Гракха оставалось за народом, неопровержимо свидетельствуют литературные источники. Так, вскоре после принятия судебного закона, Гракх добился, чтобы испанский пропретор Фабий «был отдан на суд народа за то, что сделал (свою) власть невыносимой для людей» (ὡς ἐπαχθῆ καὶ ἀφόρητον ποιῶντα τὴν ἀρχὴν τοῖς ἀνθρώποις, Pl., Gracchi, 27). В 110–109 гг. до н. э. консуляры Луций Бестия, Гай Катон, Спурий Альбин, Луций Опимий, а также Гай Гальба были осуждены теми же «гракханскими судьями» (gracchani iudices) в соответствии с постановлением народа, которое было предложено плебейским трибуном Гаем Мамилием Лиметаном (Sall., Bell. Jug., 40; Cic., Brut., 128). В страхе перед бесчестием, на которое обрекал осужденного приговор народа, Гай Папирий Карбон, консул 119 г. до н. э., покончил жизнь самоубийством, и тем «избавил себя от суровости судей» (se a severitate iudicum vindicavit., Cic., Brut., 103).

Вместе с тем, если преступления наместника были не столь значительными, окончательное решение по его делу принимали трибутные комиции, ограничиваясь «наложением штрафа» (inrogatio multae). Так, Гай Катон, в 110-е гг. до н. э. привлеченный македонцами к суду по обвинению в вымогательстве, отделался лишь денежным штрафом в 8 000 сестерциев (Cic., Verr., 2, 3, 184; Vell., 2, 8, 1)²².

Однако, имея в виду реалии нового, римско-италийского государства, закон запрещал комициям впоследствии менять свое решение на противоположное и post factum

требовать от цензоров умаления правоспособности истца – «того, кто получит деньги на основании этого закона» (*qui pecuniam ex h(ace) l(ege) capiet, Lex de j. ger., 28*). Закон гласил: «И пусть (цензор) не удаляет его (истца) из трибы, и не лишает коня, и пусть ему (истцу) из-за этого дела не чинят никакого ущерба» (*neve tribu mo]veto, neve equom adimito, neve quid ei ob eam rem fraudei esto*). С этим положением *lex de judiciis repetundarum* согласуется и строка 8 сохранившегося текста закона. Она предписывает либо претору, либо комициям не предпринимать никаких действий к тому, чтобы после вынесения окончательного судебного решения, «то, (что присуждено) выплачивалось частному лицу, (тому) кто из них (после принятия судебного решения) выступит с иском» (*id utei privato solvatur, quei [eoru]m petet*)²³.

Таким образом, готовя «слом полисной системы»²⁴, Гракх стремился в новых условиях сохранить и укрепить уже имеющиеся демократические традиции. И, на наш взгляд, не следует судить о политической программе Гая Гракха в целом по архаичности некоторых из них.

В планах Гая Гракха по созданию нового, основанного на демократических, полисных традициях римско-италийского государства легко увидеть дальнейшее развитие принципа «народного суверенитета», впервые сформулированного Тиберием Гракхом в одной из его программных речей. Ведь, согласно Тиберию Гракху «магистратская власть» (ἡ ἀρχή) является законной и правомочной лишь постольку, поскольку она «посвятит себя народу и стоит на страже народа» (τῷ δήμῳ καθωσίωται καὶ τοῦ δήμου προέστηκεν, Pl., Gracchi, 15)²⁵. Впервые распространив это положение на римско-италийский союз в целом, Гай Гракх в своей речи «Об обнародованных законах» (*De legibus promulgatis*), выдержки из которой сохранились у Флора и Ливия (*Liv., Ep., 60; Flor., 2, 1, 1–20; G. Gracch., fr. 47–52*), выступил, таким образом, с радикальным переосмыслением старого полисного принципа *aequa libertas* (равенства в свободе).

В соответствии с традиционной интерпретацией этого принципа, *aequa libertas* (равенство в свободе), например, отсутствует там, где граждане «лишены империя, (а также) права участвовать в принятии государственных решений и выборном суде» (*expertes imperii, consilii publici, iudicii dilectorum iudicum, Cic., De re p., 1, 31, 47*). И напротив, «менее всего заслуживающим порицания» (*minime vituperanda*) образцом соблюдения этого принципа, по мысли Сципиона Эмилиана (в диалоге «О государстве» Цицерона), является Родос (*Cic., De re p., 3, 35, 48*), где все это имеется. Как показывает ряд положений *lex de judiciis repetundarum*, следует согласиться с К. Николе, П. Боттери и М. Раскольниковым в том, что отдельные элементы политической системы Родоса, хорошо известной членам сципионовского кружка, нашли отражение и в проекте радикального переустройства государства, который был выдвинут Гаем Гракхом²⁶. Однако полный разрыв Гая Гракха с традиционным, полисным пониманием «равенства в свободе» (*aequa libertas*), заключался именно в том, что этот принцип теперь предполагалось распространить не только на римских граждан, но и на латинов, и всех италийских союзников. Гай Гракх требовал не только предоставить им римское гражданство, но и допустить новых граждан в сенат и суды (*Liv., Ep., 60; Flor., 2, 1, 1–20; G. Gracch., fr. 47–52; Pl., Gracchi, 29, 30; App., Bc., 1, 3, 23*).

Планы Гая Семпрония Гракха опередили свое время. Морок полисного, общинного сознания все еще продолжал тяготеть над римским плебсом, который не хотел делиться с италиками своим гражданским статусом и связанными с ним привилегиями. Именно к этому общинному сознанию апеллировал Гай Фанний, когда в своей речи против закона Гракха о даровании прав гражданства италикам, говорил:

«Если дадите гражданство латинам, вы, наверное, думаете, что у вас будет такое же место на собрании, как вы стоите теперь, что вы будете присутствовать на играх и праздниках. Неужели вы не понимаете, что *они* захватят все?»

Si Latinis civitatem dederitis, credo, existimatis vos ita, ut nunc constitistis, in contione habituros locum aut ludis et festis diebus interfuturos. Nonne *illos* omnia occupaturos putatis (Fann., fr. 3)?

О тот же полисный эгоизм разбились впоследствии и радикальные попытки Апулея Сатурнина и Гая Главции (App., Bc, 1, 4, 29). На его пережитках искусно играл и Цицерон, уверяя в 63 г. до н. э. сенат, что за старым гракханским планом вывода колонии в Капую, кроется стремление вновь «противопоставить тот город нашему» (*illam urbem huic urbi opponere*, Cic., *De lege agr.*, 1, 18).

И здесь трагическим заблуждением Гая Гракха была его искренняя вера в римский народ, в то, что, изблотив в комициях «величайшую распущенность и величайшую невоздержанность» (*quanta libido quantaque intemperantia*) властей державного города, можно сделать его народ достойным своей высокой миссии (G. Gracch., fr. 49)²⁷. И быть может, восходящий к устной традиции рассказ Плутарха о том, как накануне смерти Гай Гракх просил богиню Диану в отместку за проявленную к нему со стороны народа «неблагодарность» (*ἀχαριστίας*) «навсегда оставить римский народ в рабстве» (*μηδέποτε πύσασθαι δουλεύοντα*), отражает запоздалое осознание Гракхом неосновательности своих надежд (Pl., *Gracchi*, 37; ср. G. Gracch., fr. 61.).

Если наши предположения верны, то в политической программе Гая Гракха всего вернее будет увидеть настоящую политико-правовую утопию, своего рода демократический и федералистский аналог известному консервативному проекту Цицерона (Cic., *De leg.*, 3, 3–4).

Тем не менее, исполненная страсти и трагизма борьба великого римского демократа не пропала даром. Положения многих законов Гая Гракха, и, прежде всего, частично дошедшего до нас *lex de iudiciis repetundarum*, вошли в законодательство Римской империи как его неотъемлемая и лучшая часть, и впоследствии оказали влияние на формирование институтов публичного права современных европейских демократий.

---

¹ См. подробнее: *Мякин Т. Г.* Судебный закон Гая Семпрония Гракха. Текст и комментарий. Новосибирск, 2006. С. 26–28; *MacKay Chr.* The Judicial Legislation of Gaius Sempronius Gracchus. Diss. Ph. D. Cambridge (Mass.), Harvard University, 1994. P. 175 etc.; *Perelli L.* I Gracchi. Roma, 1993. P. 7, 198–208; *Lintott A.* Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambridge, 1992. P. 167–168; *Richardson J. S.* The Purpose of the Lex Calpurnia de repetundis // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 77. London, 1987. P. 1; *Sherwin-White A. N.* The Lex repetundarum and the Political Ideas of Gaius Gracchus // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 72. London, 1982. P. 18–31; *Stoicton D.* The Gracchi. Oxford, 1979. P. 138–153; *Gruen S. G.* Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 BC. Cambridge (Mass.), 1968. P. 89–90; *Nicolet Cl.* L'ordre équestre a l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.). T. 1. Paris, 1966. P. 488–512; *Badian E.* From the Gracchi to Sulla // *Historia*. Bd. 11. Wiesbaden, 1962. P. 197–242. Ж. Каркопино и Х. Маттиньи, правда, пытались доказать, что судебный закон, сохранившийся на *tabula Bembina*, принадлежит Гаю Сервилию Главции и датируется 103–100 гг. до н. э., однако эта точка зрения была убедительно опровергнута М. Гельцером, Дж. Тибилетти и Э. Н. Шервин-Уайтом. См. *Carcopino J.* Autour des Gracques. Etudes critiques. Paris, 1928. P. 215–229; *Mattingly H. B.* The Extortion Law of the Tabula Bembina // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 60. London, 1970. P. 154–168. Ср.: *Gelzer M.* (rez.). Carcopino J. Autour des Gracques. Etudes critiques. Paris: Les Belles Lettres, 1928. 305 s. // *GNOMON*. Bd. 5. Berlin, 1929. S. 648–659. *Tibiletti Gi.* Le leggi de iudiciis repetundarum fino alla Guerra sociale // *Athenaeum*. Studi periodici di lett. e storia dell'antichità. Vol. 31. Milano, 1953. P. 5–43; *Sherwin-White A. N.* The Date of the Lex Repetundarum and its Consequences // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 62. London, 1972. P. 82–99.

² Ср.: *Sherwin-White A. N.* The Lex repetundarum... P. 18, 27–29; *Lintott A.* The Constitution of the Roman Republic. Oxford, 1999. P. 156–165; *Millar F.* The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998. P. 15; *Perelli L.* Op. cit. P. 198.

³ *Sherwin-White A. N.* The Lex repetundarum... P. 25, 28.

⁴ См. *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 19, 28. Текст эпиграфического закона Гракха цитируется по изданию: *Bruns C. G. (ed.)* Fontes juris Romani antiqui. Leges et negotia. Friburgi et Lipsiae, 1893. P. 55–73. См. также нашу публикацию текста закона, где учтены некоторые эмендации, предлагавшиеся в разное время М. Гельцером, Дж. Тибилетти, К. Николе, Х. Маттиньи и Кр. Маккеем: *Мякин Т. Г.* Ук. Соч. С. 55–81.

-
- ⁵ *Sherwin-White A. N.* Op cit. P. 23.
- ⁶ *Sherwin-White A. N.* Op cit. P. 24.
- ⁷ См. *Мякин Т. Г.* Ук. Соч. С. 81;
- ⁸ *Sherwin-White A. N.* Op cit. P. 21.
- ⁹ Op cit. P. 21, 23.
- ¹⁰ *Mackay Chr.* The Judicial Legislation of Gaius Sempronius Gracchus... P. 219.
- ¹¹ Ср. *Sherwin-White A. N.* The Date of the Lex Repetundarum... P. 86–87.
- ¹² См. *Bruns C. G. (ed.)* Fontes juris Romani antiqui... P. 56, not. 2.
- ¹³ См. *Чеканова Н. В.* Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005. С. 32; *Чернышев Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Новосибирск, 1992. Ч. 1. С. 35.
- ¹⁴ См.: *Nitzsch K.* Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger. Berlin, 1847. S. 450, 451.
- ¹⁵ См. *Мякин Т. Г.* Ук. Соч. С. 51–53; *Malcovati H.* Oratorum Romanorum fragmenta liberae Rei publicae. T. I. Textus. Torino, 1976. P. 182–183. В своем стремлении улучшить положение союзников и перегинов Тиберий и Гай Гракхи, до некоторой степени, шли по стопам своего отца. См. *Хибрикова З. С.* Претор Ближней Испании Тиберий Семпроний Гракх и население римских провинций Иберийского полуострова // Античное общество – IV: Власть и общество в античности. Материалы межд. конф. (5–7 марта 2001). СПб., 2001 (centant.pu.ru/centrum/public/confcent/2001-03/hibrik.htm).
- ¹⁶ См. *Lintott A.* Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic... P. 46.
- ¹⁷ См. *Lintott A.* Op. cit. P. 47; *Perelli L.* Op. cit. P. 223.
- ¹⁸ Ср. *Williams C., Williamson C.* The Laws of the Roman People: Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. Ann Arbor, 2005. P. 304.
- ¹⁹ См. *Berger A.* Lex Acilia Rubria // *Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertums-wissenschaft (RE)*. Suppl. VII. Stuttgart, 1940. S. 379; *Tibiletti Gi.* Le leggi de iudiciis repetundarum fino alla Guerra sociale... P. 10–11.
- ²⁰ См. *Sherwin-White A. N.* The Lex repetundarum... P. 23.
- ²¹ См. *Nicolet Cl.* L'ordre équestre a l'époque republicaine... P. 512.
- ²² *Mackay Chr.* The Judicial Legislation of Gaius Sempronius Gracchus... P. 224.
- ²³ Ср. *Perelli L.* Op. cit. P. 201; *Sherwin-White A. N.* The Lex repetundarum... P. 26–27.
- ²⁴ Ср. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 42. Ср. *Кавтария Г. Е.* Братья Гракхи. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Тбилиси, 1990. С. 9.
- ²⁵ См. *Мякин Т. Г.* Ук. Соч. С. 19–20.
- ²⁶ См. *Botteri P., Raskolnikoff M.* Diodore, Gaius Gracchus et la Démocratie // *Demokratia et aristokratia: à propos de Gaius Gracchus: mots grecs et realites romaines*. Paris, 1983. P. 99; *Nicolet Cl.* Op. cit. P. 522–523.
- ²⁷ На это, в частности, справедливо указывал Г. Е. Кавтария. См. *Кавтария Г. Е.* Ук. соч. С. 34–37.